

С.В. Прожогина

ФРАНКОЯЗЫЧНЫЕ АРАБЫ: ОЧЕРК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Вызванные массовой эмиграцией жителей Магриба во Францию сложные интеграционные процессы внутри французского общества приводят к социально-политическим конфронтациям, сопровождаются очевидной «метисизацией» культурного облика Франции и завершаются в настоящее время сложением в недрах Франции полиэтнического и поликонфессионального общества, где одновременно происходит и поляризация культурной «самобытности» разных этносов, и поиск новых идентичностей, отмеченных процессами взаимопересечения и взаимодействия разных цивилизаций. Огромный корпус литературных произведений магрибинцев, написанных на французском языке как во Франции, так и за ее пределами, является почти документально-художественным свидетельством выше отмеченных явлений и подтверждает сложение в мировом культурном процессе новых форм цивилизационных пересечений.

Ключевые слова: эмиграция, Франция, Магриб, франкоязычная магрибская литература

Когда сегодня во Франции много говорят и по-разному оценивают арабское «присутствие» (беру в кавычки термин, ибо он восходит к колониальному *«présence française»*), то нельзя не отметить и уже более чем вековую его длительность (если иметь в виду интенсивно начавшуюся еще в начале XX в. эмиграцию магрибинцев и массу запечатлевших этот процесс свидетельств), и его радикальную трансформацию с начала 80-х гг. XX в., продолжающуюся и в наши дни. Я как литературовед, конечно, говорю не столько об аспектах социально-политических (хотя они и доминируют), сколько о культурных, где процессы интеграционные, «метисные» даже, в чем-то заместившие или, скорее, на мой взгляд, восполнившие некоторые попытки колониальной политики «ассимиляции североафриканских аборигенов», во многом характеризуют состояние самой французской культуры, духовный настрой республиканского социума, очевидно уже поликультурного и поликонфессионального, хотя и активно, и справедливо защищающего «свои» устои и свои принципы.

Светлана Викторовна Прожогина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Можно даже теперь сказать, и свою изначальную «самобытность» (или цивилизационную идентичность), порой забывая о том, что ее историческая «чистота» и «целостность» давно утрачены¹.

Но я вернусь к своему предмету, внимание к которому проявляю вот уже сорок с лишним лет. Не столько даже потому, что он интересен сам по себе, художественно полноценен и весьма значим для мирового литературного процесса (ибо является свидетельством возникновения новых национальных «единиц» в его составе), сколько потому, что является ярким примером «встречи» и «диалога» цивилизаций, продуктом реального культурного синтеза, свидетельством и всех его проблем, противоречий, трудностей, но и очевидных достижений. Но главное, что сегодняшняя литература Франции просто не существует как таковая без арабских писательских имен, присутствующих в ней вот уже полвека, получающих ее, Франции, престижные литературные премии «За лучшие французские романы»², но и ставших действительными членами Французской Академии изящной словесности, и — что может быть абсолютно убедительным «показателем» для такой страны, как Франция, — постоянными авторами таких крупнейших ее издательств, как «Gallimard», «Julliard», «Albain Michel», «Fayard» и др. Читательская аудитория у них — огромна? и даже не потому, что их читает многочисленная арабская диаспора, но и сами французы (судя по откликам в СМИ), порой узнавая именно в их книгах **всю** правду об окружающей реальности. Ибо в книгах «французских арабов» — особое знание *изнутри* не только своих магрибинских проблем, но и той страны, земля которой стала для многих из них родной (я имею в виду второе и третье поколения иммигрантов, так называемых «бёров», родившихся и живущих во Франции). История этой «литературной географии» — долгая и сложная, однако поучительная для того периода глобализации, который переживают многие страны, в том числе и Россия, которую не может не интересовать французский опыт интеграции разных культур и конфессий.

¹ Так, некоторые французские социологи, сетуя на то, что французы все чаще слышат, как иммигранты **их** называют «аборигенами Франции», что Франция «утрачивает свое прежнее величие», что все чаще «капитулирует» под «натиском» иммигрантов и конфессиональным сепаратизмом, превращающим страну, да и всю Европу в целом в некую «Евразию», рассматривают этот процесс как «идентификационный слом» или деградацию французской идентичности как таковой, разрушаемой интенсивным проникновением и внедрением чужеродных элементов в недра принимающего эмигрантов общества. См.: *Rioufol I. La fracture identitaire*. P., 2007.

² Я имею в виду не только Гонкуровского лауреата марокканца Тахара Бенджеллуна, но и алжирцев М. Дибя, Р. Буджедру, Д. Шрайби, А. Джебар, М. Мессауля (Ясмينا Хадра), Б. Сансаля и многих многих других, сегодня активно работающих магрибинцев.

Подведение итогов развития франкоязычной литературы магрибинцев в XX в. не только естественно для начала нового столетия, но еще и заманчиво: ведь ее география значительно изменилась. В ее пространстве сегодня не только три страны Магриба – Алжир, Марокко и Тунис, простирающиеся от Сахары до берегов Средиземного моря, но и раскинувшаяся по другую сторону моря Франция, от юга до севера заселенная сейчас магрибинскими иммигрантами. А этот факт уже не может не подводить вплотную к проблеме возникновения новых явлений в мировом культурном процессе. Меняется и характер национальных культур и литератур арабского Запада, меняется и «лик» европейской цивилизации, в недрах которой активно присутствует сегодня и мусульманский «субстрат». Не замечать эти явления невозможно – их необходимо изучать, ибо реальность современного мира свидетельствует о том, что встреча, диалог культур, их своеобразная метисизация, взаимодействие и взаимоотталкивание продолжаются. Эти процессы остановить уже нельзя, а значит, мой долг – как я себе его представляю – как можно объективнее и полнее засвидетельствовать их.

Само по себе это не сложно, если в руках – массивный корпус текстов франкоязычных магрибинцев, знание которых помогает представить все многообразие современного мира. Да и сама история литературной географии того слоя культуры, который сблизил и североафриканский и европейский регионы, настолько логична, что позволяет и понять истоки, и почувствовать возможные последствия этих процессов в грядущем тысячелетии.

Но уже и сейчас с уверенностью можно сказать, что этнические арабы и берберы, населяющие территорию, условно названную нами «от Сахары до Сены»¹, создающие художественные произведения на языке бывшей своей метрополии, – фактор не только исторически обусловленный, но и оказавшийся плодотворным. Он обеспечил не только компенсаторность в процессе прерванной колониализмом эволюции традиционной магрибинской словесности, но и комплементарность в процессе сложения новой системы национальных культур и литератур стран Магриба, расширив тем самым их собственные границы и одновременно обогатив и сам франкоязычный культурный ареал в целом, внося в него своеобразный восточный колорит.

Мы неоднократно показывали, как, по каким основным проблемным, тематическим, художественным маршрутам шло развитие литературы франкоязычных магрибинцев и как оно вписалось сегодня в контекст За-

¹ Прожогина С.В. От Сахары до Сены. М., 2001.

пада¹. Но прежде чем читатель осилит эту «панораму», охватывающую не только широкое пространство, но и значительный временной пласт, мне хотелось бы отметить важные для мировой культуры черты магрибинского «присутствия» в ней, которые, как мне представляется, сыграли основную роль в сегодняшней франкоязычной литературе «от Сахары до Сены».

Конечно, Магриб прежде всего понятие географическое. Этимологически – это «Запад» для арабского «Востока» (Машрика); зонально (или регионально) – Северо-Запад для всего африканского континента; Юго-Запад для средиземноморского бассейна в целом; Восток для континента американского, как и метонимически (являясь частью общеарабского мира) – для Европы. Одновременно Магриб – это и часть общеафриканского мира, ибо коренное население Магриба – берберы — племена североафриканские, и часть ближневосточного – после арабского завоевания, но и часть мира европейского, ибо был достаточно долго населен и римскими завоевателями, и французскими, испанскими и итальянскими колонистами именно из-за близости географической.

Географический фактор, даже только в рамках местоположения Магриба в системе средиземноморской цивилизации, сам по себе – исключительно красноречив. Его *порубежность*, стыковое присутствие и в мусульманском, и христианском мирах (море никогда не представляло ни для магрибинцев, ни для европейцев непреодолимой границы) как бы уже априори «обrekli» эту часть африканского континента на роль связующего звена, «моста» в диалоге культур.

Но характеризовать магрибинскую географию только с точки зрения внешнего, пространственного размещения недостаточно. *Совмещение* в нем севера и запада Африки, юга Европы [Марокко от Испании, Тунис от Италии (Сицилии) отделяют только узкие проливы, да и Алжир, расположенный неподалеку от французских берегов, недаром считался почти полтора столетия заморским «департаментом» метрополии], а также прямого (историко-культурного, конфессионального и в некотором роде территориального) *продолжения Востока*, когда – арабское завоевание Северной Африки, завершившееся к VIII в., как бы «протянуло» арабский мир от Аравийской пустыни до Атлантического побережья, – все это наложило отпечаток, породило уникальное сочетание в этом географическом регионе **разных внутренних** признаков, порой, казалось бы, несо-

¹ *Джугашвили Я.* Алжирский франкоязычный роман. М., 1974; *Никифорова И.Д.* Африканский роман. М., 1978; *Прожогина С.В.* Современная литература Марокко и Туниса. М., 1968; *Она же.* Современная франкоязычная литература стран Магриба. М., 1973; *Она же.* Магрибинский роман. М., 2007 и др.

вместимых, взаимоисключающих начал. Противоречивость «слагаемых» в сумме своей и обозначила ту специфичность Магриба, которая и составляет некий своеобразный характер этого уголка Средиземноморья.

Здесь «схлестнулись» не только разные природные стихии – пустыня и океан, снег высоких гор и раскаленные пески, знойное солнце и холодный ветер, каменистые плато и цветущие оазисы, бурные ручьи и пересохшие русла рек; здесь «соседствуют» африканские пальмы и обычные сосны и ели, необыкновенной величины субтропические плоды и скромные дары почти европейских лесов. Здесь, в Магрибе, живут и разные люди — черные и белые, и даже «синие» (так называют кочевников Сахары, туарегов, закутанных в плащи кобальтового цвета); здесь звучат разные языки и наречия; здесь можно увидеть и палатки бедуинов, и первобытные жилища троглодитов, и древние селения горных племен, и застроенные небоскребами мегаполисы, окруженные атрибутами именно североафриканского городского быта — бидонвиями, своеобразными лачужными поселениями местных рабочих и сельских мигрантов с юга...

Здесь – особенно в Марокко, Тунисе и на западе Алжира – можно увидеть еще и деревни, и городские кварталы, заселенные потомками «андалусцев» – тех, кто хранит в своих домах огромные ключи от дворцов, в которых жили когда-то их предки в Гранаде, Севилье, Кордове... Здесь, несмотря на провозглашенную странами Магриба политическую независимость и естественный для эпохи национально-освободительных войн исход колонистов-европейцев, и до сих пор живет еще много коренных французов, испанцев, евреев, мальтийцев, итальянцев, предки которых **родились** на магрибинской земле...

Земля Магриба – такая разнообразная, но и такая *целостная* (не в последнюю очередь из-за конфессиональной доминанты — ислама, определяющего и общность традиций, как социальных, так и культурных) — сыграла особую роль в пространстве Средиземноморья, взрастив свои, особые плоды и в художественной культуре (литературе в частности), связанной как с языком арабским, так и с французским, и испанским.

Географическая *контрастность* не могла не повлиять на возникновение особых черт магрибинского менталитета, а значит, и магрибинской словесности, музыки, архитектуры, театра. Об этом многочисленные свидетельства многих и европейских, и арабских исследователей, отмечающих специфику «магрибинской сущности». Среди ее атрибутов – *взаимодействие* и *одновременность существования разных начал*, сформировавших магрибинский характер. Не случайна в литературной магрибинской «топике» константность таких *разных мотивов*, как

«пустыня-море-солнце-горы-снег», в магрибинской словесности (особенно современной, которая является продуктом особого взаимодействия **разных миров** в колониальную эпоху) – *одновременность* возникновения и развития *разных жанровых основ* – эпики и лирики, драматургии и документально-хроникальной наррации, разных эстетических принципов (от бытописания до сюрреализма), разных стилистических традиций (от особых повествовательно-ритмических форм арабского народного романа до сложных авангардных конструкций «нового» европейского романа и «текстового письма»); почти равновеликая степень обращения и к собственному (берберскому и арабскому) фольклору, и к мотивам мировой литературы, запечатленным в искусстве слова **разных народов**.

Но даже и в рамках **одного** художественного произведения в магрибинской литературе характерны случаи **совмещения** признаков разных жанровых начал: так, нередки, особенно в XX в., случаи театрализации романного действия, появления «романа-поэмы», поэтической прозы, прозаизированной политической поэзии, «эпопеи субъективности», зафиксированных в «потоке памяти» или в «потоке сознания» лирически окрашенных, но эпически фундаментальных «фресок», воссоздающих картины национальной истории...¹

Возможно, именно **разность** географических начал предопределила своего рода художественную «проницаемость» магрибинцев или их способность к ассимиляции разнородного. Но в основе такой возможности (отбора и усвоения) – опять-таки именно эта разноликость, особость магрибинской земли, которая повлияла на интенсивность «притяжения» к ней взоров чужеземцев, с древнейших времен пытавшихся «освоить» ее своими набегами, войнами, захватами, – от римлян и финикийцев до ту-роков, испанцев, французов, итальянцев и даже немцев, например в Ливии, которую тоже относят к Магрибу.

География, история и политика, также «схлестнувшиеся» на магрибинской земле, – нераздельные элементы ее «сущности», определившие значительную степень присутствия Магриба в средиземноморской цивилизации.

Географический фактор как бы повлек за собой несколько компонентов «магрибинства», сыгравших историческую роль в формировании средиземноморской культуры и литературы в целом (особенно в эпоху арабского завоевания Испании), но Магриб и сам стал особой литературной зоной в эпоху военного и политического проникновения Евро-

¹ Подробно см.: Прожогина С.В. Магрибинский роман.

пы, когда в результате только французского колониализма в Северной Африке, в странах, с давно сложившейся там арабской письменной традицией (Алжир, Марокко и Тунис), возникла совершенно особая литература новейшего типа на языке европейском (французском), став и особой литературной общностью, и особой подсистемой в системе национальных литератур этих стран, и новым видом франкоязычной словесности в целом.

Таким образом, очевидно изначальное переплетение географии, истории, политики как факторов «магрибинского присутствия» в пространстве соединения Востока и Запада. Но в XX в. к этим компонентам присоединяется еще и экономика, повлиявшая на эмиграционный процесс в Магрибе, из которого уже с начала XX в. уезжали тысячи арабов и берберов на заработки в Европу, спасаясь от нищеты и голода. Эти процессы интенсифицировались во время Алжирской войны (1954–1962), а после независимости, обретенной магрибинскими странами в середине 50-х – начале 60-х гг. XX в., эмиграция еще больше активизировалась, усиленная политическим фактором, и теперь только в одной Франции живет несколько миллионов магрибинцев... Экономический и политический факторы повлекли за собой социопсихологический: мусульманское население Европы, став особым слоем, отмеченным чертами «изгойства», породило и **особый тип художественной культуры**, преодолевающей либо утверждающей свою «маргинальность», но так или иначе переживающей свою «окраинность» в пространстве культуры европейской.

Но прежде чем в Магрибе «сработал» фактор исторической памяти – своеобразный генетический код, определивший синтезирующую способность магрибинской культуры, прежде чем появилась возможность дифференциации новых национальных литератур в недрах *общеарабской* культуры, в недрах общей «средиземноморскости», о которой так любили вспоминать, к примеру, рожденные в Магрибе «этнические» французы, испанцы, итальянцы и другие европейцы «по крови», прежде должна была осуществиться **самоидентификация магрибинских литератур** (или их создателей – писателей).

Специфичность того особого пласта в европейской культуре, каким стала **культура колониальная**, определялась постепенно, еще задолго до собственно колониального захвата Магриба, который происходил (если иметь в виду только французский колониализм) в три этапа: Алжирская экспедиция 1830 г., затем в 1911 г. протекторат над Марокко и в 1912 г. – над Тунисом. Проникновение в эти края европейских туристов, путешественников, миссионеров началось давно, и земля Магриба еще

раньше, чем французов, видела и португальцев, и испанцев, и мальтийцев. Но, конечно, Алжирская военная экспедиция французов, закончившаяся поражением алжирских племен, обеспечила быстрый приток в Северную Африку не только военных, но и гражданских поселенцев – колонистов, захвативших практически все плодородные земли; потом, когда первые европейские поселенцы-земледельцы пустили свои корни, в Магриб стали приезжать учителя, врачи, рабочие из метрополии. Местное население, «автохтоны», жили обособленно от европейского *communauté*, почти не соприкасаясь с ним, отделенные непроницаемой «перегородкой», как религиозной, так и политической, – бесправные «туземцы» поначалу использовались только как неквалифицированная рабочая сила на самых тяжелых работах. С течением времени католические миссионеры открыли для автохтонов школы, оказывали им медицинскую помощь, привлекали к работе в больницах и миссиях. Наиболее способным из них было дозволено посещать школы, где учились дети колонистов, а в дальнейшем некоторым удалось окончить даже высшие учебные заведения как в Магрибе, так и во Франции.

В разных странах, при разных политических режимах (колония, протекторат) и национальных вариантах (французском, испанском и итальянском – самом коротком по времени) положение «туземцев» отличалось незначительно. Но поскольку именно в Алжире дольше, чем повсюду в Магрибе, длилось европейское присутствие (почти полтора века), именно здесь накопились в значительном объеме те элементы **взаимного существования** на **одной** земле двух **разных** *communautés* – христианского¹ (европейского) и мусульманского, которые принесли перевес в плане количественном: получивших европейское образование автохтонов и вышедших из их среды местных писателей здесь было гораздо больше, чем в Марокко, Тунисе или Ливии.

Но и на разных поколениях **европейцев**, которые прожили в Магрибе не один десяток лет, так или иначе не могло не сказаться пусть раздельное, но тем не менее «общее» с арабами и берберами проживание на североафриканской земле. Они, пусть «исторически» незаконно, но в большинстве своем были причастны к процветанию этой земли, вполне искренне считали ее «своей» – «их» плантации и «их» сады, «их» города были плодами их усилий, труда, культуры. Колонизаторы, или, точнее, колонисты, образовавшие основное ядро слоя европейских поселенцев в Магрибе, были не все «сказочно богатыми» и жестокими эксплуататорами; среди городского населения, к примеру, было достаточно много и

¹ Со временем немало и североафриканцев, особенно берберов, приняли католичество.

бедных, и даже неимущих, особенно мальтийцев, греков, испанцев, евреев. Они, хотя и жили в европейских кварталах, весьма тесно сосуществовали с североафриканцами, легко перенимая черты их быта, знали и любили местную кухню, с легкостью инкрустировали свою речь арабизмами, создавая немыслимый городской сленг, в котором уживались французские, испанские, итальянские и арабские слова. Но самым, казалось бы, невероятным было то, что именно европейские поселенцы стали называть себя, к примеру в Алжире, где их было больше всего и в самых разных социальных слоях, «алжирским народом». Французы из метрополии называли своих североафриканских граждан *pieds-noirs* — «черноногими», как бы подчеркивая «африканство» их происхождения. А те, в свою очередь, не считали жителей метрополии соотечественниками, рассматривая Францию лишь как свою «духовную» родину.

Однако, несмотря на то что не все «пье-нуары» были крупными землевладельцами, они, даже беднейшие из них, обладали политическим превосходством над арабами и берберами. Выходцы из Франции имели все гражданские права, поэтому объективная разница между ними и колонизованными была велика, и субъективная их самономинация — «алжирский народ» — была далека от истинного положения дел в «заморском департаменте». Именно во время Алжирской войны за независимость (1954–1962 гг.) «пье-нуары» были главными врагами (наряду с войсками метрополии) повстанцев-алжирцев и резкими противниками деголлевской политики «отдачи» Алжира алжирцам. Но их лозунг: «Алжир — французский!», хотя и был политической авантюрой, тем не менее выражал их искреннее замешательство, поскольку «пье-нуары» действительно имели «алжирские корни». Они порой не мыслили возвращения во Францию, и когда пришлось «уходить», то уходили тяжело, взрывая свои дома и виллы, городские квартиры, организовывая подпольные вооруженные террористические группы, и мстили за «свой Алжир» жестоко и кроваво.

Но говоря об этой особой среде колониального Алжира (как и полуколониальных Марокко и Туниса), я показываю, в известной мере, **исток возникновения и особой культуры** в недрах колониального общества.

Недаром один из идеологов и основоположников колониальной литературы француз Луи Бертран (1866–1941) почувствовал в колонистах пульс «молодой энергии», способной освежить застойное дыхание мелкобуржуазного провинциализма, властвовавшего над умами и вкусами в самой Франции с конца XIX в. Бертран, влюбленный в Алжир, объехавший всю страну и навсегда оставшийся в ней, утверждал, что здесь сформировалась «новая раса». Убедительный пример ее существования

он увидел в жизни одного из кварталов Алжира — шумного и тесного Баб эль-Уэда, где обитали герои его романов — колонисты: торговцы, ремесленники, чьи предки были выходцами из Европы, но кто давно уже приобрел «алжирский колорит». («Колорит» этот еще ощущался в Алжире и в 60-е гг. XX в., а в среде французских репатриантов из Алжира чувствуется до сих пор на юге Франции.) В определенный период «атрибуты» этой среды легли в основу не только политического требования предоставления особого статуса колониальному Алжиру (автономии, независимой от метрополии), но и сложившегося представления об **особости** культуры колониального общества, эстетической дифференциации литературы колонии от литературы метрополии.

Но хотя «новая раса» виделась Бертрану как лишенная примеси «туземной крови», однако испытывавшая огромное влияние «дикарского» контекста, и жившая в тесном контакте с природным окружением, что само по себе меняло постепенно и сам «генетический код» истинно французской цивилизации... В «естественное окружение» Бертран, а вслед за ним и другие колониальные писатели только по контрасту вписывали истинных детей этой обожаемой всеми колонистами земли. Вот как, к примеру, он описал в своем знаменитом романе «Южные дороги» встречу с арабом: «Я сразу же почувствовал в нем врага, который ничего не забыл, ничего не простил и прячет за пазухой оружие». И **принцип противостояния** надолго определил смысл колониальной культуры в целом, не исключив при этом ни свойственный ей принцип экзотизации «естественного фона», ни даже романтизированную инкрустацию природного «субстрата» в свои тексты (к примеру, в творчестве А. Камю).

Таким образом, **двойственность** смысла колониальной культуры и литературы, возникших в недрах Северной Африки, заключалась в том, что, с одной стороны, они были прямым порождением колониальной эпохи, своеобразной **эстетической экспансией** Франции, особого рода «захватом» французской культурой чужих территорий, а с другой — именно этот натиск и позволил впервые запечатлеть «изнутри» **новую реальность** Алжира такой, какой она действительно существовала в границах колониального сознания, во многом определяемого сознанием европейской диаспоры в Северной Африке (в отличие и от очевидно идеологизированных первых опытов *проколонналистской* литературы, предшествовавших Алжирской экспедиции, и от поверхностной продукции заезжих писателей, среди которых случались и крупные литературные величины (например, А. Доде).

Эта способность, диктовавшаяся прежде всего четко осознаваемым призыванием запечатлеть — пусть частично — «свою», колониальную, **ре-**

альность жизни, явилась мощным толчком и для формирования истоков **нового движения** в недрах самой автохтонной культуры, переживавшей поначалу своеобразный шок. Французское нашествие, превратившееся в длительное «присутствие» (*présence française* – характерный термин этой эпохи), в области культуры постепенно эволюционировало и делало свое дело. Уже в 20–30-е гг. XX в. французы, хотя и ограниченно, принимали в свою среду автохтонную интеллигенцию, подготовленную в школах европейского образца. Вошедшее в историю колониальной литературы движение французских писателей из Северной Африки – «альжерианизм» – началось с «манифеста» Робера Рандо, написанного как предисловие к сборнику «13 поэтов Алжира» (1920). В этом манифесте Рандо высказал убеждение, что в состав альжерианистов (это был новый способ, в отличие от бертрановского, **самодифференциации** литературы, рожденной в Алжире) необходимо со временем включить (патерналистски интегрировать) и самих автохтонов, наиболее талантливых из них, проявивших литературные способности. Для многих французов, как и для самого Рандо, эта возможность связывалась прежде всего с населением **берберским**, активно проявившим способность к культурной адаптации и даже частично переневавшим христианскую веру. И несколько лет спустя Р. Рандо вместе с другими альжерианистами-французами будет гордиться первым опытом автохтонной франкоязычной прозы – романом Хаджа Хаму «Зохра, жена рудокопа» (1925)¹. Этот роман был написан в лучших традициях французского сентиментализма, свойственного той части колониальной литературы, которая «не брезговала» описанием жизни алжирских низов, дабы воссоздать «живую» и целостную картину, лишенную романтического флера, порой героизировавшего, порой приукрашавшего жизнь колониального общества, особенно на первых порах существования.

Так или иначе, колониальное «присутствие» Франции в Магрибе оставило заметный след не только в его инфраструктуре (города, дороги, школы, больницы, налаженное сельское хозяйство и промышленность), но и в культуре, заодно расширив и горизонты существования собственно французской культуры. Издававшиеся в Магрибе на французском языке газеты и литературные журналы привлекали к себе не только представителей европейского населения, знавших специфику местной жизни и запечатлевавших ее в своих рассказах, очерках, поэзии, но и все более **самых магрибинцев**, уже освоивших в достаточной мере традиции европейской культуры во французских школах. Полученное там «новое»

¹ Hamou H. Zohra, la femme du mineur. Alger, 1925.

знание (в отличие от традиционного, получаемого в коранических школах) проросло довольно глубоко в национальную почву и дало ростки своеобразного **национального Возрождения**, новый взлет собственно магрибинской словесности, поэзии, культуры в целом.

Конечно, широко распахнуло двери этому Возрождению национально-освободительное движение, но национальное самосознание магрибинцев вызревало, как ни парадоксально, именно в недрах колониального общества. Постигая в европейских школах мировую историю и культуру, магрибинцы одновременно усваивали то, что в соответствии с планами колониальной политики культурной ассимиляции должны были усваивать, и отторгали то, что ущемляло и унижало их человеческое достоинство. Чем чаще маленькие магрибинцы повторяли слова из учебника истории: «Наши предки – галлы», тем болезненнее и острее сознавали, что они североафриканцы – алжирцы, марокканцы, тунисцы – и что отнятая у них земля — Магриб принадлежит им **по праву**.

Тот факт, что в лоне французской колониальной литературы выросли такие корифеи новой магрибинской словесности, как алжирцы Мулуд Фераун, Мулуд Маммери, Катеб Ясин, Мохаммед Диб, тунисец Альбер Мемми, марокканец Дрис Шрайби, чье творчество стало фундаментом национальной словесности в каждой стране, сам по себе достаточно красноречив. Но не менее важно и то, что их прямыми учителями были такие выдающиеся французы из Магриба, как А. Камю, Э. Роблес, Г. Одизио, Ж. Пелегри, М. Мусси и др. Кстати, эти представители французской литературы, творившие уже в 40–50-е гг. XX в., более дискретно, в отличие от «латиноафриканца» Бертрана или альжерианиста Рандо, понимали свою роль в системе и культуры Франции, и культуры Алжира и Магриба в целом. Они полагали, что ни эстетическая автономия от метрополии, ни настойчивость самозаклинания в своем «алжирстве» не прояснят сути их устремлений, которые к середине XX в. все больше обретали черты универсальности. «Средиземноморство» – общность корней, истоков, цивилизационных начал — вот то, что, по мнению А. Камю и других французских писателей из Магриба, могло бы объединить **всех** литераторов и художников огромной Земли, лежащей по берегам одного водного пространства...

Но парадокс заключался в том, что именно в кровавой истории колониального захвата Магриба вызрела его собственная **новая культура**, овладевшая **новым** языком, новыми формами, позволившими ей встать в один ряд с самыми развитыми литературами.

Явившись в некотором роде **национальным ответом** на политическое противостояние Запада и Востока, но одновременно и косвенным «продуктом» колониального общества, новые национальные литерату-

ры Магриба на французском стали и частью обновленной культуры арабского мира, и частью культуры европейского Средиземноморья. Специфика этого феномена и в том, что, используя в качестве средства выражения *язык европейской культуры*, современные магрибинские литературы, очевидно тяготея к реалистическому отражению национальной действительности, обладают особым эстетическим качеством по сравнению с арабоязычными литературами этого же региона. Ибо именно европейский язык позволяет использовать достижения мировой культуры, разных художественных традиций, значительно обогащать стиль, жанровые формы, способы создания художественной реальности.

Уже можно сказать, что европоязычная литература Магриба постколониального времени объективно исполнила роль передаточного звена в *непрерывной* связи культур прошлого и настоящего, в том числе и в том процессе, который связывал культуры Средиземноморья с Востоком посредством Магриба в отдаленные эпохи, в пору расцвета, к примеру, андалусской цивилизации.

Но было бы неверным именно здесь поставить точку, потому что процесс этот продолжается.

Новая волна (после эпохи арабского завоевания Испании в VIII в. длившаяся до конца XV в.) магрибинского «нашествия» в XX в., на этот раз **на Францию**, оказалась настолько мощной, что сегодня здесь уже всерьез продумываются законы о необходимости «сохранения галльских фамилий» и возможности выбора рожденным во Франции «метисным» ребенком фамилии матери (в участвовавших в последние десятилетия смешанных браках француженок и магрибинцев ребенку, как правило, дается фамилия отца).

В плане литературном здесь все чаще возникают произведения, теперь уже не в недрах **европейского** мира, а в среде **магрибинских** иммигрантов, живущих здесь (подобно *pieds-noirs*, европейским поселенцам в Северной Африке) и уже не в первом поколении, считающих Францию родиной, ибо рождены здесь. Эту литературу французские критики пока определяют как «окраинную», а «французских» мусульман не без уничижения называют «бёрами» (эвфемизм, в котором слиты воедино фонетическое звучание наименования и арабов, и берберов). Весомая часть общемагрибинской диаспоры, осевшая во Франции, создает – и это нельзя не заметить – значительную по своим художественным достоинствам литературу, хотя судьба этого литературного поколения драматична, как по-своему была драматична и судьба культуры *pieds-noirs*. Ведь политический, социальный и экономический аспекты контек-

ста, в котором живет современная магрибинская диаспора в Европе, вполне чужеродны, даже порой враждебны ей.

Но, как и прежде, на территории *общей земли проживания* возникает своеобразная культура, в которой постепенно начинает преобладать «метисный» тип личности. Абсолютно непроницаемой перегородки между двумя этносами теперь нет, несмотря на все преграды, которые воздвигает крайне правая политическая оппозиция, проникнутая расистскими и шовинистическими настроениями, усиленными Алжирской войной, прошлых, не столь еще далеких, лет. И только за последнее десятилетие в корпусе франкоязычной магрибинской литературы появились сотни книг бёров – романов, повестей, сборников стихов¹.

И у них – своя история.

К началу 80-х гг. после утверждения Закона о признании французскими гражданами детей иммигрантов, родившихся или выросших во Франции, о втором поколении иммигрантов заговорили особо интенсивно. Стало ясно, что это «явление» не пройдет бесследно ни для социальной, политической и этнической истории Франции, ни для ее культуры. В полную мощь тогда заработало и «Радио бёров», ежедневно сообщавшее не только хронику событий, связанных с жизнью североафриканской иммиграции, событий порой печальных, порой жестоких, хотя всегда отражавших реальность присутствия *бёров* на французской земле, но и об их самосознании, их оценке политической и культурной жизни страны, давшей когда-то «приют» эмигрантам, а также о событиях на родине родителей, их «исторической» земле. «Радио бёров» знакомило общественность и с творчеством представителей «второго поколения», с их поэзией в основном, которую французские издательства в те времена практически игнорировали. Но и сами бёры сборники своих стихов готовили редко, предпочитая «выплеснуть» в эфир эмоции, рассказать о своей жизни немедленно, сразу, дабы быть услышанными и зафиксировать свое присутствие и в социуме, и в культуре как можно быстрее. Радио для этой цели на первых порах было хорошим помощником.

«Второе поколение»² подросло незаметно. И к середине 80-х взгляды

¹ См. подробно: Прожогина С.В. Между мистралем и сирокко. М., 1998; *Она же*. Иммигрантская история. М., 2002; *Она же*. Восток на Западе. М., 2003.

² Конечно, номинация «второе поколение» хронологически связана только с той волной магрибинской эмиграции, которая особо усилилась в эпоху антиколониального движения и сразу после получения странами Магриба независимости, когда и политические, и экономические причины толкали огромные массы североафриканцев к отъезду с родных земель. В целом магрибинская эмиграция ведет свое летосчисление с конца XIX — начала XX в., но судьба этих эмиграционных процессов в плане культурном прослежена мало и почти

тех, кто детьми вместе с родителями уехал во Францию в 50-х гг., во время или сразу после Алжирской войны, и тех, кто родился в 60-е годы, вполне сформировались за годы учебы во французских школах, лицеях и университетах, а также – что главное – в недрах той среды, которая во Франции продолжает быть источником дешевой рабочей силы. Источник этот — эмигрантский — для страны и выгодный, и опасный, и необходимый, и тревожащий и власть, и общество, ибо он остается и источником постоянных сомнений, социальной напряженности, противодействий иммиграционной политике крайне правыми, профашистскими движениями и партиями. (Различного рода террористические фобии усилились в обществе с середины 70-х гг. в связи с событиями на Ближнем Востоке; в 80–90–2000-е гг. – в связи с усилением исламского интегризма.)

Проблемы магрибинской эмиграции в Европу и жизни иммигрантов не могли не стать предметом многочисленных социологических, социопсихологических и экономических наблюдений. А с середины 80-х гг. именно второе иммигрантское поколение – бёры притягивало к себе взоры различного рода исследователей, которые рассматривали его в целом как продукт «маргинальный», побочный, имеющий «окраинное» отношение к французскому социуму. Что же касается собственно литературного творчества бёров, которое с особой силой вспыхнуло на рубеже 70–80-х годов и сейчас уже стало значительным явлением в литературном процессе в ареале франкоязычия в целом, то изучение его и до сих пор отличается известной спорадичностью: внимание критики и литературоведения вызывают обычно появление какого-либо бестселлера или особо острая социальная проблема, затронутая в той или иной книге.

Но даже и, казалось бы, крупное исследование самых первых образцов прозаического творчества бёров как особого явления **во французской литературе** отличалось некоей сенсационностью констатации и взглядом на это явление как на *переходное*, сугубо политическое, отмеченное признаками подавленности «паноптическим» сознанием Метрополии, чем-то напоминающее литературное диссидентство эпохи тоталитаризма¹.

Можно по-разному оценивать и попытки критики, и отдельные, ограниченные одним именем или одним произведением исследования творчества бёров, можно по-разному оценивать его перспективу, давать раз-

осталась незамеченной, если не считать творчество алжирца Жана Амруша, ставшего известным еще в 30-е гг.

¹ Я имею в виду книгу французского ученого, живущего в США, М. Ларонда о «бёрском» романе: *Laronde M. Autour du roman beur*. P., 1993.

личные «ситуативные» определения этого второго поколения (от «тупикового» или «потерянного» до «отброшенного»), показывать трагедию его «разрыва» как с исторической родиной, так и с «усыновившей» их землей (бесконечные коллоквиумы, симпозиумы, дискуссии по этому поводу не прекращаются во Франции и проходят не только в столице, но и во всех крупных индустриальных городах, где иммигрантская прослойка достаточна значительна), можно солидаризироваться с такими очевидными и высокими авторитетами, как Тахар Бенджеллун, специально исследовавший проблему антигуманной сущности «французского гостеприимства» и «самого глубокого одиночества» иммигрантов, но нельзя не учитывать главного: *самосознания* бёров, их **собственного** взгляда на свое «поколение», их собственной оценки своего «местоположения» в окружающем их мире.

Появившееся в художественной литературе магрибинцев на исходе века выражение *mal de soi* принадлежит алжирке по происхождению, француженке по рождению, молодой, но уже широко известной писательнице Нине Бурауи¹. Перевести на русский язык это словосочетание можно как «боль самоощущения» (в пространстве окружающего, в контексте существования). Но слово *mal* — это не только констатация некоего психологического дискомфорта собственного «Я» (*soi*), осознающего смысл самоидентификации, «отождествления себя с кем-то», но и смысл собственных взаимоотношений с миром. А потому можно и узреть исток, порождающий этот дискомфорт, Зло, отмечающее своим знаком присутствие человека, его *soi* в этом мире. И тогда в пространстве исторических, политических, социальных, конфессиональных и прочих причин увидеть новые «цветы этого зла», почувствовать некую протяженность в современность и бодлеровского концепта «чуждости», и камюзианской «посторонности»² (или «отчужденности»), и резкой разделенности на свое и чужое, вызванной (или обозначившейся) еще конфликтом эпохи колониального завоевания Магриба.

Но *mal de soi* — это еще и новое явление в современном пространстве средиземноморской цивилизации, если учесть интенсивность сегодняшнего *présence maghrébine*³ во Франции как следствия миграционных перемещений североафриканцев в Европу, начавшихся еще на рубеже XX в. и особенно усилившихся после Второй мировой и Алжирской во-

¹ Bouraoui N. Le bal des murènes. P., 1996. Подробнее о романе см.: Прожогина С.В. Между мистралем и сирокко. С. 288–318.

² Имеются в виду произведение Ш. Бодлера «L'étranger» и одноименный роман А. Камю.

³ «Переключка» с *présence française* («французское присутствие») — своеобразной эвфемистической номинацией французского колониализма в Африке.

йны (1954–1962). Новый этап в издавна длящемся диалоге цивилизаций обозначил образовавшийся к середине 80-х гг. довольно значительный иммигрантский слой (несколько миллионов человек только в крупных городах), имевший второе и третье поколение уже рожденных во Франции арабов и берберов, и породил *особый тип самосознания магрибинцев*, непременным атрибутом которого становится именно *mal de soi*, совмещивший симптомы как социально-психологической «болезни»¹, так и «зла» историко-политического свойства. И хотя проблема «Восток на Западе» сама по себе не нова, тем не менее в нынешнем характере самоидентификации магрибинцев, живущих в Европе и пытающихся ответить на вопрос «кто мы?», наиболее очевиден **конфликт своего и чужого**, так же как и в осознании алжирцами, марокканцами и тунисцами в Магрибе проблем, связанных с аккультурацией (усвоением европейской культуры) и восприятием своего (национального) социума с точки зрения усвоивших иной, нетрадиционный, а значит, «чужой» способ мировидения.

Опираясь на *художественные свидетельства*, можно проследить эволюцию или историческую «этиологию» этого *mal de soi*: метафорическая форма, на наш взгляд, порой более точно (ибо ярко, сгущенно и заостренно) дает ощутить всю глубину и всю боль этого конфликта, обжигающее или, наоборот, ледяющее дыхание времени, в котором, по сути, происходит не только столкновение миров, но и рождение некоего «евроафриканства», в муках возникающую новую метисность этносов, конфессий, культур, сопротивление которой уже, по-видимому, бессмысленно.

Только за последние десятилетия в корпусе иммигрантской магрибинской литературы бёров появились сотни книг (романов, повестей, сборников стихов), десятки крупных имен, таких как Ф. Бельгуль, А. Кеттани, А. Калуаз, М. Шареф, А. Бегаг, Н. Бурауи, Мунси, и многие, многие другие писатели, активно издающиеся во Франции. Но они — дети мусульман и родившиеся в смешанных семьях, — в глубине души не отделяя себя от тех, кто живет рядом с ними — французов, тем не менее всё еще ощущают некую свою не только этническую чужеродность земле, на которой родились.

Общий настрой культуры магрибинской диаспоры сводится преимущественно к ощущению утраченной национальной «целостности», культурной «порубежности», все еще осознаваемой «чужбинности» своего существования (как пока еще не состоявшейся возможности полностью

¹ Об этом см.: *Benjelloun T. La plus haute des solitudes. P., 1974.*

вписаться в пространство – культурное, политическое, социальное – принявшей их страны). Состояние культурно-психологической «аномии», порой фиксируемое в сознании героев в книгах писателей-бёров, – индикатор итога мятежных поисков своего «Я» (*soi*), начатого еще франкоязычными магрибинцами 50-х гг. (творчество М. Хаддада, например). Однако, несмотря ни на что, в начале XXI в. можно говорить о рождении в недрах теперь уже западного общества сложного культурного феномена с восточной (этнической и конфессиональной) доминантой.

Таким образом, бёры – это своеобразное «эхо», откликнувшееся по ту сторону Средиземного моря, отмеченное *неудобством самоощущения* в пространстве «чужого».

Mai de soi не избывает в литературе франкоязычных магрибинцев. **И в пространстве Востока, и в пространстве Запада** признаки неудовлетворенности, смятения, дискомфорта самоощущения человека и в «своем», и в «чужом» социуме остаются.

И все чаще «чужбина» как «неотвратимость пустыни» становится пространством жизни их героев. И *écarts d'identité* (термин из социологического исследования, посвященного жизни иммигрантов во Франции¹) из физического, насильственного (или политического) лишения «права на личность» порой обретает в творчестве писателей черты некоего неизбежного зла как мести за извечную **войну миров**, за противостояние «своего» и «чужого».

Таким образом, если для первых писательских поколений франкоязычных магрибинцев было делом чести доказать свою «национальную принадлежность» Алжиру, Марокко или Тунису, то для бёров вопрос «кто мы?» остается открытым. Бёры пока кипят, бросаясь из одной крайности в другую, страстно ища свои «корни» на земле предков и одновременно проклиная ее, выбросившую на «чужбину» их родителей; благословляя Запад, позволивший избавиться от груза средневековых догм и традиций, и одновременно беспощадно обнажая его язвы, не позволяющие детям окраин «очиститься» до конца от «коросты» изгоев, людей второго сорта, отброшенных на обочину жизни «обыкновенным расизмом»²... Кто жил во Франции и в 80-е, и в 90-е гг., знает эти дикие вспышки ненависти, сжигающей автомобили, взрывающей магазины, где торгуют арабы, воспламеняющей толпу озверевших бритоголовых в черных кожаных куртках, набрасывающихся на первого встречного араба и сталкивающих его в Сену. И не менее жестокую «реакцию арабов»... Но бёры пишут много и сочно, они, так же как и их далекие пред-

¹ Begag A., Chaouïte A. *Écarts d'identité*. P., 1990.

² Подробно об этом см.: Прожогина С.В. Новые идентичности. М., 2012.

шественники (если можно провести такого рода типологическую аналогию с противоположным знаком) – писатели-европейцы, выросшие в колониях, со знанием дела изображают жизнь и быт своего общества, только описывая мусульманскую иммигрантскую среду во Франции, быт и нравы окраин, чаяния и помыслы своей «зоны» – именно так называют они свое пространство существования. В книгах бёров — особенно много теперь среди них женщин, сбросивших «покрывало молчания», – запечатлен новый этап эволюции этнических и культурных процессов, являющихся следствием политических и экономических причин. Можно даже говорить о новых магрибинских «сдвигах» в культуре Средиземноморья, ибо в какие национальные рамки сегодня способно вписаться это «кентаврическое» явление – бёры с их литературой «бетонных джунглей»? Они – с Запада, но они – и с Востока, им об этом не дают забыть, заставляя жить сразу в двух измерениях. Психологически это трудно, но с точки зрения **будущего** это уже состоявшийся своеобразный исторический эксперимент культурной взаимодополнительности, взаимопересеченности, особое продолжение в настоящем того, возникшего еще в колониальную эпоху «столкновения» цивилизаций, конфликта миров, в котором, как написала в романе «Любовь, фантазия...» (1990)¹ алжирка Ассия Джебар, родились особые побеги, плоды и «ненависти, и любви», а может быть, и доказательства **невозможности жить друг без друга** этим *берегам*, разьединенным (или объединенным) *одним* морем.

Поэтому и в книгах молодых «французских» магрибинцев, и «старых» мастеров — франкоязычных писателей стран Магриба все настойчивее начинает звучать мысль о том, что новое поколение живущих на земле людей постепенно свыкнется с мыслью о **равной** своей принадлежности к **разным мирам** — Востоку и Западу, Северу и Югу, что мир един и что лежащее **среди разных** земель **одно** море — *Méditerranée* — подобно пространству Надежды, которое рано или поздно объединит человечество...

Подводя итоги, можно сказать, что в истории проблемы бикультурности, родившей новый тип культурного сознания – феномен возникновения в странах Магриба в 30–40 гг. XX в. и особенно в 50-е гг. произведений, написанных на языке французском алжирцами, марокканцами и тунисцами, противопоставившими свое творчество французской колониальной литературе, хотя и явившимися во многом ее наследниками. «Продукт» колониальной эпохи – национальные писатели Алжира, Марокко и Туниса воспользовались французским языком не только как могучим средством своего обращения к миру с повествованием о жизни собственных народов

¹ *Djebar A. L'amour, la fantasia... P., 1985.*

и их антиколониальной борьбе, по-своему трактуя и свое прошлое, и свое настоящее. Их франкоязычие стало эффективным активатором коммуникативной системы «Восток ↔ Запад», показав миру уже свершившееся подлежание современных магрибинцев обеим культурам (и восточной, и западной), уже созревшую принадлежность их к обеим цивилизациям. Продемонстрировав искусное владение усвоенными во французской культурной школе жанрами и методами европейской литературы, магрибинцы показали свою способность критически осваивать окружающую их реальность и воплощать ее в пространстве художественного текста.

Однако уже в начале 60-х гг. состояние бикультурности, столь плодотворное и однозначно воспринятое раньше, все больше осмыслялось писателями как некое культурное «раздвоение» (*dedoublement*¹), ибо политика «арабизации», проводимая в Магрибе после обретения независимости, заставляла практически признать обращение к языку французскому как некое «предательство» национальной (арабо-мусульманской) *par excellence* культуры Магриба. Лингвистическая «декультурация» приводила порой к сложному психологическому состоянию, когда писатель просто прекращал свое творчество, полагая, что его франкоязычие лишает его истинной, **«арабской идентичности»** (М. Хаддад).

Известную психологическую «маргинализацию» как утрату **«национальной аутентичности»** переживали многие писатели-магрибинцы, жившие в политической эмиграции во Франции в 60–70–80-х гг. Однако, продолжая писать на языке французском и не отрываясь от «корней» своей национальной реальности, они становились частью не только литературного процесса Франции, но и вписывались в контекст мировой литературы, продолжая сохранять свое «магрибинство» в проблемно-тематической сфере своего искусства. И таким образом их собственно литературная идентичность не утрачивала свойства «двойной принадлежности» и обретала устойчивую поливалентность, несмотря на свойственное всем эмигрантам глубокое переживание своей *exil* (М. Диб, Катеб Ясин, Д. Шрайби, А. Мемми, А. Меддеб).

Поколение магрибинцев-франкофонов 90-х – начала XXI в. (не только писателей), среди которых уже есть немало тех, кто во Франции **родился и вырос**, если и испытывает некоторый психологический дискомфорт **«entre deux je»** («между двух я»), сознавая и свою «магрибинскость», и свою «французскость», то понимает, что «отрыв» от «родных

¹ Психологический процесс «раздвоения» человека символически запечатлен в творчестве алжирцев Рашида Буджедры (роман «Тимимун» – *Boudjedra R. Timimoun. P., 1994*) и Нины Бурауи (повесть «Землетрясение» – *Bouraoui N. Le séisme. P., 1999*). О них подробно см. в наших выше отмеченных работах.

корней» уже свершился как неизбежность (С. Бельхаддад, Л. Себбар, С. Мумен и др.)¹. Другие (как А. Бегаг, например) свою идентичность полностью воспринимают только как «**французскую**», преодолев все сложности бытия выходцев из иммигрантской среды².

Но есть у новых магрибинцев в процессе поисков своей идентичности (не только культурной, но и психологической) достаточно аргументированное утверждение и своей принадлежности как той (магрибинской), так и другой (французской) культуре («**Я – и та, и другая**» – как утверждают Джюра и М. Бей³). Не испытывая при этом никакой ни психологической аномии, ни культурной раздвоенности, но скорее ощущая свою целостность как некую **сумму разностей**.

Небезынтересны и процессы осознания магрибинскими писателями и социологами, живущими во Франции, и своей абсолютной «**ничейности**» (*de nulle part*), своей абсолютной непринадлежности (ибо ненужности «ни той, ни другой») культуре, своей и забытости, и «отброшенности» на окраины и восточной, и западной цивилизации (Мунси, С. Нини, А. Джудер и др.)⁴.

Подчеркивая свою «дезинтеграцию» как с поколением «отцов», с культурой семьи, плохое знание (или даже незнание) арабского литературного языка, магрибинцы свидетельствуют и о «конфликте интеграции», и сложности пути к обретению «себя» («**soi-même**») в социокультурном контексте, культурно-психологическом пространстве и окружающей этнических магрибинцев-мусульман атмосферы современной Франции, которую уже многие из них считают своей родиной.

Отмеченные явления, как и многие другие, подтверждаются и подкрепляются новыми источниками и свидетельствами французских социо-психологов и культурологов, занимающимися проблемами интеграции, ассимиляции, аккультурации магрибинцев (в разные эпохи), а также проблемами **синтеза культур Востока и Запада** в аспекте возникновения «**новых идентичностей**», демонстрирующих либо обретенную личностную целостность (как совокупность своих разных культурных основ), либо ее разделенность, раздвоенность «между двумя мирами», влияющую и на поведенческую модель человека и на характер его творческой активности⁵.

¹ *Belhaddad S. Entre deux je. P., 2004; Sebbar L. Je ne parle pas la langue de mon père. P., 2006; Moumen S. Mon père est un petit bicot. P., 2005.*

² См.: *Begag A. L'île de gens d'ici. P., 2006.*

³ См.: *Djura. La saison des narcisses. P., 1993; Bey M. Et l'une, et l'autre. P., 2010.*

⁴ См.: *Mounsi. Territoire d'outre-ville. P., 1995; Nini S. Ils disent que suis une beurette. P., 1983; Djuder A. Désintégration. P., 2006.*

⁵ См., например, коллективный труд: *La différence / Sous dir. de M. Wiewiorka. P., 2000.*

Выявленный нами ранее в художественной литературе магрибинцев спектр самой идентификационной парадигмы (от **identité meurtrière** – термин ливанца А. Маалюфа); **«identité brisée»**; **«identité écartée»**; **«identité desintégréе»** до **«identité retrouvée»** и даже **«double identité»**)¹ расширяется или подтверждается в новейших текстах, как художественных, так и публицистических, где фиксируются процессы, скорее свидетельствующие о кризисном самоощущении иммигрантов в недрах западного социума. Хотя нельзя не сказать, что драма самоопределения имеет только психологические мотивы личностного дискомфорта. В книгах бёров показаны «инструменты», определяющие «градус» возможностей изменения условий человеческого существования и как следствие, появляются позитивные признаки своего личностного взаимодействия с окружающей средой. Сейчас в этой среде уже прочно существует «своя», иммигрантская литература, «свое» кино, «свой» театр, «своя», абсолютно новая для французов музыка, «свое» радио, пресса и т.д. И все это не просто «рвется наружу», кричит от боли своей маргинальности, но и не может не перейти границы только «иммигрантской территории» жизни, становясь уже заметной частью **новой французской** (именно во Франции и родившейся) культуры... Что не может не повлиять и на складывание в недрах нового французского социума и особого психологического состояния «слома» собственно французской идентичности, так и осознания своей «бикультурности» (как «сплава») в среде иммигрантской. Возникает нечто очень похожее на **культурный синтез** (как порождение и нового «личностного» свойства). В этом процессе **условия человеческого существования** – основа не только отсутствия или присутствия **социальной напряженности** и определитель причин негативных «отклонений» в социальной психологии. Они – непосредственная причина либо идентификационного дискомфорта, либо позитивного обретения культурной и психологической идентичности.

«Дивергенции» культурные, в общем и целом, рано или поздно становятся либо источником продуктивного «разнообразия» социума или даже показателем «культурного богатства нации». Но вот социальные «дивергенции», разность социального бытия различных слоев одного общества могут обозначить пропасть, разрастание которой разъединит рано или поздно его человечество. В вопрошении или же протестном со-

¹ В терминах Маалюфа (meurtière), как и в термине «brisée», принадлежащем Н. Бурауи, так и в термине «écartée», принадлежащем А. Бегагу, – смысл «ранености», «убитости», «отнятости», «дезинтегрированности» (А. Джубер), в отличие от «обретённости» (retrouvée), принадлежащем Джюре, и «двойной» (как единой), принадлежащем М. Бей.

знании французских магрибинцев можно увидеть и глубины, и границы всех этих процессов, можно услышать и их боль, и их надежды.

Если прислушаться к голосам магрибинских иммигрантов в наблюдаемом и нами «**diversité**» – «разнообразии» французского общества, то можно различить не только отдельные части его социо-культурной «мозаики», но и те психологические нюансы, которые помогут этой «мозаике» окончательно предстать либо неким «единством разнообразия», либо, наоборот, рассыпаться на многоцветье осколков так пока и не сложившейся (или с трудом складывающейся?) Новой Цивилизации...

Список литературы

Джугашвили Я. Алжирский франкоязычный роман. М., 1974. [Dzhugashvili JA. Alzhirskij frankojazychnyj roman. M., 1974].

Никифорова И.Д. Африканский роман. М., 1978. [Nikiforova I.D. Afrikanskij roman. M., 1978].

Прохогина С.В. Восток на Западе. М., 2003. [Prozhogina S.V. Vostok na Zapade. M., 2003].

Прохогина С.В. Иммигрантская история. М., 2002. [Prozhogina S.V. Immigrantskaja istorija. M., 2002].

Прохогина С.В. Магрибинский роман. М., 2007. [Prozhogina S.V. Magribinskij roman. M., 2007].

Прохогина С.В. Между мистралем и сирокко. М., 1998. [Prozhogina S.V. Mezhdju mistralem i sirokkko. M., 1998].

Прохогина С.В. Новые идентичности. М., 2012. [Prozhogina S.V. Novye identichnosti. M., 2012].

Прохогина С.В. От Сахары до Сены. М., Наука, 2001. [Prozhogina S.V. Ot Sakhary do Seny. M., Nauka, 2001].

Прохогина С.В. Современная литература Марокко и Туниса. М., 1968. [Prozhogina S.V. Sovremennaja literatura Marokko i Tunisa. M., 1968].

Прохогина С.В. Современная франкоязычная литература стран Магриба. М., 1973. [Prozhogina S.V. Sovremennaja frankojazychnaja literatura stran Magriba. M., 1973].

Begag A. L'île de gens d'ici. P., 2006.

Begag A., Chaouïte A. Ecarts d'identité. P., 1990.

Belhaddad S. Entre deux je. P., 2004.

Benjelloun T. La plus haute des solitudes. P., 1974.

Bey M. Et l'une, et l'autre. P., 2010.

Boudjedra R. Timimoun. P., 1994.

Bouraoui N. Le bal des murènes. P., 1996.

Bouraoui N. Le séisme. P., 1999.

- Djebar A.* L'amour, la fantasia.... P., 1985.
Djuder A. Désintégration. P., 2006.
Djura. La saison des narcisses. P., 1993.
Hamou H. Zohra, la femme du mineur. Alger, 1925.
La différence / Sous dir. De M. Wiewiorka. P., 2000.
Laronde M. Autour du roman beur. P., 1993.
Moumen S. Mon père est un petit bicot. P., 2005.
Mounsi. Territoire d'outre-ville. P., 1995.
Nini S. Ils disent que suis une beurette. P., 1983.
Rioufol I. La fracture identitaire. P., 2007.
Sebbar L. Je ne parle pas la langue de mon père. P., 2006.